

Андрей Епатко

По следам Валаамских Чудотворцев

Прп. Сергий и Герман Валаамские. XIX в. ГРМ

Предания Валаама

На севере Ладожского озера — крупнейшего в Европе! — лежат дивные острова Валаамского архипелага. Закованные в скалы и покрытые хвойным лесом, они приютили знаменитую обитель с ее скитами, часовнями и поклонными крестами. Неизменное чувство отрешенности охватывает каждого, кто вступает на эту древнюю землю. Ежегодно сюда приезжают тысячи туристов и паломников. На остров их доставляют трехпалубные теплоходы. Они за ночь проходят Ладогу, а утром швартуются в Никоновской бухте. Не каждому, кто купил билет, гарантировано посещение Валаама. Об этом мне сказал сосед по каюте, когда наше судно, идущее по Ладоге, стало неприятно покачивать...

— То есть как не гарантировано? — не понял я.

— А вы посмотрите, — указал он на лист на стене. — В правилах все сказано: «Капитан имеет право вносить изменения в маршрут согласно обстоятельствам».

— А как же Валаам?

Мой вопрос на какое-то мгновение повис в воздухе — в иллюминатор шлепнула волна, и мы уставились на стекающие по стеклу капли.

— Какой там Валаам! — отмахнулся собеседник. — Вот к утру разыграется шторм, тогда к земле лучше вообще не подходить — иначе все на камнях будем. Здесь это недолго...

Несколько волн одна за другой ударили в иллюминатор, и по каюте пробежали зеленые тени. Мне вспомнилась зловеющая легенда о шведском короле Магнусе, флот которого затонул недалеко от Валаама¹.

Под действием качки мне стало душно, и я поднялся на палубу, чтобы глотнуть свежего воздуха. Наверху никого не было. Пронизывающий ветер разогнал пассажиров по каютам. Я подошел к борту и крепко взялся за поручни. Озеро было сплошь покрыто белыми гребнями, и вокруг вздымались внушительные волны. Глядя на беснующуюся Ладогу, я думал о тех опасностях, которыми подвергались на пути к Валааму преподобные Сергий и Герман, основатели Валаамского монастыря. Много веков назад легендарные

¹ Согласно валаамской легенде король Швеции Магнус Эрикссон спасся на острове после кораблекрушения и, приняв в обители православие и схиму, вскоре скончался. На старом Братском кладбище Валаама до сих пор сохраняется осколок его могильной плиты, датируемый началом XIX в.

Карта маршрута

просветители Карелии сели в парусную лодку и отправились на уединенный остров исполнять иноческий подвиг. Незнакомая земля, к которой стремились преподобные, находится в тридцати километрах от материка.

«Кто были родом эти благочестивые иноки, славяне или греки, какова была их жизнь и служение на пользу церкви; об этом не сохранилось ничего верного», — сокрушался автор «Истории Православной церкви в Финляндии». Житие Сергия и Германа до нас не дошло, что вызвало долгие споры о времени возникновения Валаамского монастыря. Церковные историки писали о нем, как о древнейшем русском монастыре, а его основателей считали выходцами из Греции. Нашлись исследователи, которые, взвесив валаамские предания, задались вопросом: «Можно ли считать этих преподобных старцев историческими личностями?»²

Романтическая дымка, которой окружены Сергий и Герман, привлекала меня. Пришло время, когда я почувствовал, что пора отложить в сторону книги и самому отправиться на Валаамский архипелаг. Нужен был повод, и он неожиданно нашелся, когда мне в руки попал путевой дневник собирателя карело-финского эпоса Элиаса Леннрота, посетившего Валаам в XIX в.

Наблюдательный ученый писал: «Особенно много картин из жизни основателей монастыря Сергия и Германа. На одной изображено, как они плывут по волнам на каменной плите, на другой — как основывают монастырь. Но здесь мне необходимо рассказать о них то немногое, что я слышал от монахов. Неизвестно, что заставило Сергия и Германа отправиться в путь с восточного побережья Ладоги на отколовшейся каменной

плите, которую носило по волнам и прибило к берегу Валаама. Очевидно, внезапное вторжение неприятелей заставило их покинуть материк»³.

Указание Леннрота на то, что Сергий и Герман прибыли на остров с восточного побережья показалось мне ценным. Я раскрыл карту Ладожского озера, чтобы определить возможный путь преподобных: на восточном берегу Ладоги на широте Валаама находится карельский поселок Салми. Напротив него через пролив лежат два больших острова — Лункулансаари и Мантсинсаари. Дальше на запад — открытые ладожские просторы, которые и омывают Валаамский архипелаг. Это будет самый трудный участок пути.

Я поймал себя на мысли, что составляю маршрут нового путешествия. Не попытаться ли дойти до Валаама, двигаясь от острова к острову? По этому пути могли идти преподобные. Может, нам повезет, и мы встретим следы первых христиан, проникших на далекий архипелаг?

Компанию в этом предприятии мне составил Андрей Боев, большой любитель водных походов. На чем отправляться на Валаам — вопросов не возникало: конечно, на резиновых лодках, которые были уже испытаны в Ладоге. Для нового путешествия мы достали два спасательных жилета и набор подробных карт северной части Ладожского озера. На всякий случай каждый имел в лодке черпак, компас и теплые вещи. Остальное место занимали продукты из расчета на полторы недели пути. Мы были в некоторой степени паломниками. Я взял икону с тремя ладожскими святыми — Сергием, Германом и Арсением Коневским. Но самое ценное, что мы везли на Валаам, — свеча, опаленная у Гроба Господня.

Наше путешествие началось в Салми. Это старинное карельское поселение, расположенное

² Чистович И. История Православной церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащей Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1856. С. 15.

³ Путешествия Элиаса Леннрота: Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985. С. 51.

к востоку от Валаама, лучше всего согласовывалось с сообщением Леннрота. В каком именно месте преподобные покинули материк, финский филолог, конечно, не знал. Но от Салми начинается естественный мост из множества островов, которым могли воспользоваться монахи, идущие на Валаам.

В путь

Резиновые лодки, спущенные в речку Тулема, мерно покачивались у деревянных мостков. Если верить карте, эта узкая речушка впадает в «великое озеро Нево», среди просторов которого нам предстояло отыскать легендарный монашеский остров.

Пока Андрей загружал лодки, я поднялся на соседний холм, чтобы осмотреть полуразрушенную церковь, а заодно выяснить, что известно здесь о Сергии и Германе. Один из местных жителей сообщил мне, что церковь старая, но, если хочу знать больше — в доме напротив живет священник отец Георгий.

Я постучал. В доме что-то загрохотало, дверь закрипела, и ко мне вышел высокий старик. Он сказал, что служит в этом храме, но из-за опасности обвала службы временно проходят в соседнем доме.

Я спросил его о преподобных... Отец Георгий задумался:

— Сергий и Герман... Когда-то они крестили всю Карелию и долгое время жили на Валааме, — он указал в сторону озера. — Это там, далеко в Ладого. Многие через них приняли православие.

По его словам, преподобные жили во времена княгини Ольги. Сначала они явились к ней в Киев, а когда у Ольги появились другие священники, чудотворцы ушли на Валаам.

Узнав, что мы собираемся идти на лодках, отец Георгий, кажется, не поверил. Запел в дом и вынес две открытки с изображением Сергия и Германа. Валаамские Чудотворцы стояли на голом камне, со всех сторон омываемом водой... С этим благословением отца Георгия мы отчалили от берегов Тулемы.

С первых минут плавания мы ощутили неудобства резиновой лодки. Тесно. Ноги придавлены тяжелым рюкзаком и сумкой с фотоаппаратами. Рукоятки весел задевают за спальный. Пока я устраивался поудобнее, заметил, что речка сама несет нас, увлекая вниз по течению. По мере того, как мы удалялись от Салми, дома, тянувшиеся вдоль берега, стали редеть. Похолодало. Внезапно поднявшийся ветерок нагнал рябь на речной глади, и по всем признакам было видно, что Ладога

Церковь св. Николая Чудотворца в Салми (1825 г.)

уже близка. Через час гребли против встречного ветра мы миновали полузатонувший баркас и вышли в крупнейшее озеро Европы — Ладожское.

Всё вокруг качалось. И наши лодки, и мы вместе с ними. Набегавшие волны поднимали нас, опускали и несли дальше. Впереди виднелась длинная полоска земли, сплошь покрытая лесом. Это — Лункулансаари, наш первый остров на пути к Валааму. Мы направили лодки к острову, и брызги начали разбиваться о носовую часть моего «Туриста». Тяжело нагруженная лодка легко взбиралась на волну, и под днищем прокатывалась водяная масса.

Прошли середину пролива. Усилившийся ветер развернул Андрея боком к волнам, каждая из которых била в резиновый борт.

Мы перевели дух, когда лодки с треском вошли в прибрежные камыши острова. В зеленых зарослях стоял рыбацкая в болотных сапогах.

— На острове никакой старины нет, — сказал он. — Раньше была усадьба графини, но теперь и следов не осталось. Один поселок и магазин. Он бросил взгляд на лодки. — Вы куда? На Мантсинсаари? Закупайтесь здесь, дальше магазинов не будет.

— А на Мантсинсаари разве поселка нет?

— Было там много деревень, а теперь только двое живут: пастух и финн с черной собакой. Правда, давно уже о них ничего не слышно.

Известие о финне заинтересовало меня. Представитель исконного населения этих мест, он, несомненно, мог слышать о валаамских святых. Сам остров тоже был интересен. В конце XIX в. на Мантсинсаари еще сохранялся языческий обряд закалывания быка, о котором сообщали исследователи.

Матти Кульмаулома

У двух «Робинзонов»

Хотя дело шло к вечеру, мы решили тотчас отправиться на этот крупнейший остров Ладожского озера, лежащий в двух километрах от Лункулансаари. Он закрывал собой линию горизонта и казался угрюмым. «Как же на таком громадном пространстве найти двух островитян?» — думал я, разглядывая в бинокль незнакомую землю.

— Вижу крышу, — внезапно произнес Андрей. — Смотри!

В бинокль я различил часть деревянного сруба, выступающего из леса. Мы взяли за весла и стали пробиваться сквозь камыши к берегу. Однако это оказалось опасным — весла запутывались в водорослях, а сухие стебли царапали резину. Мы были вынуждены отступить, и только ночью смогли высадиться на северной оконечности Мантсинсаари.

Когда рассвело, спрятали лодки и отправились в глубь острова. Едва заметная тропинка вывела нас из леса в поле, где стояло несколько бревенчатых домов. Прохудившиеся крыши и заброшенные огороды говорили о том, что люди давно покинули жилища. Вскоре из-за пригорка показался одинокий дом в окружении сараев. За забором — возделанная земля и теплица. Похоже, здесь кто-то живет... Хозяин сам вышел к нам. Это был худой, но крепкий старик с жилистыми руками. На его поясе в кожаном футляре висел нож. «Точно, финн», — подумал я.

Мы сидели в уютном доме нашего нового знакомого и угощались ухой. Я не ошибся. Матти Кульмаулома — последний из оставшихся финнов на острове. По его словам, когда-то финское население насчитывало на Мантсинсаари две тысячи человек. Теперь он остался один. Так и живет здесь безвыездно, продолжая вспахивать щедрую землю своих предков. По вечерам он закидывает

в Ладогу сети и слушает радио, настраиваясь на финскую волну.

— Было время, остров кормил всю область, — рассказывал Матти. Теперь все пошло прахом... Кого выселили, кто успел сам уехать.

Мой вопрос о языческом обряде оживил его.

— Да, да, знаю! Это был большой праздник. Его проводили в самой большой деревне на юге острова. Но потом русские попы запретили...

— А как это происходило?

— Да как обычно. Быков варили в огромных котлах, и у костра пировала вся деревня... Давно это было. Я сам не видел.

— А вы ничего не слышали об основателях Валаамского монастыря Сергии и Германе? — спросил я Матти. — Они могли идти на Валаам через ваш остров.

— Нет, не слышал. Через Мантсинсаари многие ходили на Валаам. Зимой приезжали целыми подводами, ночевали здесь, а утром двигались по льду до монастыря. Теперь так не ходят.

За разговором незаметно приблизился вечер. Перед отплытием мы хотели навестить второго «робинзона» — Алексея Ивановича Ключню, который жил в километре отсюда. Матти объяснил нам, как найти его дом, и добавил, что давно не встречал своего соседа. Живя много лет на одном острове, они не общались.

Еще издали мы увидели коровье стадо, пасущееся около избы. Хозяин дома — небритый мужчина лет сорока — очень обрадовался нашему появлению. Не дав сказать ни слова, усадил за стол, нарезал сала, пожарил яичницу.

— Значит, на Валаам идете? — спросил Алексей Иванович, наливая нам молоко. — На чем?

— На резиновых лодках.

Хозяин серьезно посмотрел на нас и поставил кувшин на стол.

— Это вы зря делаете... На моей памяти пять байдарочников тоже шли на Валаам. По пути заходили на Мантсинсаари и сидели вот тут, где вы сидите. До Валаама не добрались — пропали.

Мы с Андреем переглянулись.

— Что с ними случилось? Попали в шторм?

— Да, скорее всего. В ту ночь, как они отчалили, ветер поднял на озере волну, и весь следующий день штормило. Я даже не рыбачил.

Алексей Иванович посмотрел в окно и задумался.

— Помнится, они хотели идти на Валаам напрямик, минуя острова, чтобы быстрее. Потом сюда приезжали их родственники, спрашивали, искали...

Я рассказал Алексею Ивановичу о цели нашего плавания.

— Так вы историки? Посмотрите, — хозяин достал медный светильник необычной формы. — Нашел в лесу.

Я взял светильник в руки: старинный, кованый. Несомненно, он — дело рук исконных насельников Мантсинсаари. Тогда я спросил Алексея Ивановича о посещении острова монахами. Он рассказал:

— В очень давние времена здесь существовал дикий обычай. В честь какого-то праздника быка заводили на скалу и оттуда скидывали прямо вниз, потом всей деревней варили мясо и пировали. Когда на остров пришли монахи, они поставили на скале часовню. Сколько лет она простояла — никто не знает, но лет тридцать назад ее столкнули бульдозером вниз.

Скала находилась недалеко отсюда, и Алексей Иванович заверил нас, что от часовни ничего не осталось. Кто были эти загадочные монахи, никто не помнит.

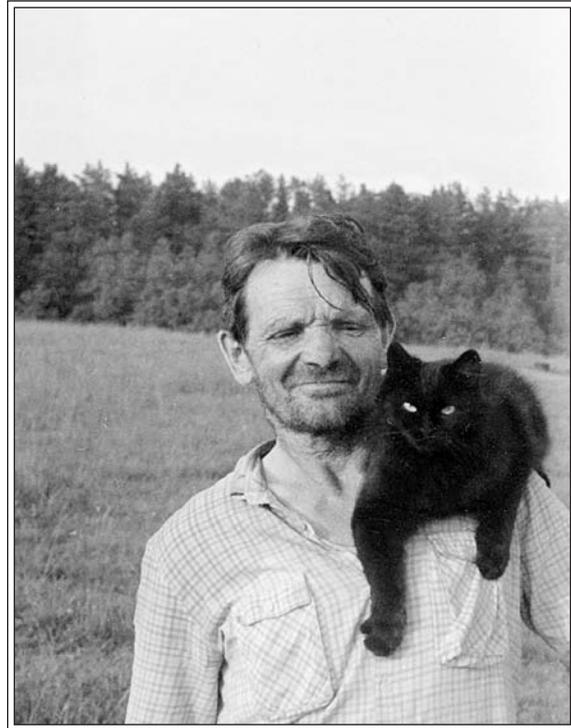
Чем дольше я слушал хозяина, тем более убеждался, что остров Мантсинсаари — настоящая сокровище для путешественников. Я заметил висевшее на стене ружье, и разговор зашел об охоте.

— На острове хищные звери постоянно не живут, — рассказывал Алексей Иванович. — Придут зимой по льду и весной уходят. Но однажды на острове обосновалась пара волков. Пять лет жили мирно, а потом стали безобразничать: загнали телку и задрали ее. Мое стадо не трогали — жили на моей территории. Деревенские мужики сделали облаву и убили четырех волчат и волка. И после этого — ох, как пожалели об этом! Волчица стала мстить людям: давила мой и чужой скот без разбора. Мы были вынуждены вывести все стадо в Салми. Зимой волчица ушла по льду с острова и больше никогда не возвращалась...

Пора было собираться. Мы тепло простились с Алексеем Ивановичем и поспешили к старому финну, у которого оставались наши рюкзаки. Мы чувствовали, что задержались здесь и пора двигаться дальше. До Валаама еще тридцать километров, а повезет ли с погодой — неизвестно. Вот и сейчас над нами нависло угрюмое небо, не предвещающее ничего хорошего.

Матти быстро отрезвил наш боевой пыл: «Ночью будет гроза, и в озеро лучше не соваться. Оставайтесь до утра у меня». Расстелили спальники на дощатом полу финской бани и попытались заснуть. За окном всю ночь гремела гроза.

Наступил третий день путешествия. Мы шли на веслах вдоль восточного побережья Мантсинсаари, приближаясь к его северной оконечности. Нам предстояло при хорошей

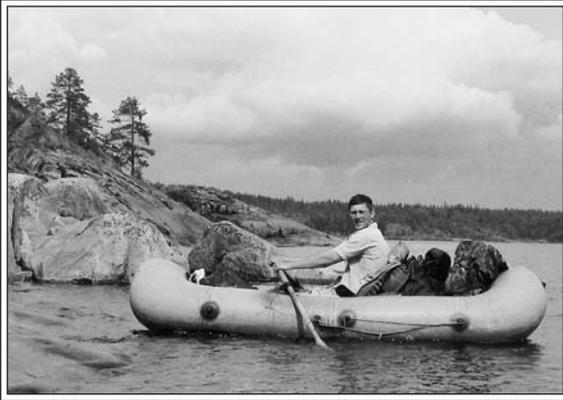
Алексей Клюня

видимости двигаться к Птичьим островам. Пока мы шли под прикрытием берега, погода нам сопутствовала: пригревало солнце, небольшие волны подталкивали лодки вперед. Единственное, что досаждало — тучи комаров, преследовавшие нас от стоянки. Но лишь только мы обогнули мыс и вышли в открытое озеро, комары облепили борта лодок. С Ладоги задувал холодный встречный ветер. Озеро волновалось, и никаких островов не было видно. Я развернул лодку носом к волне и раскрыл карту. Странно, здесь указано, что к западу от Мантсинсаари лежат три островка из группы Птичьих. Только где же они?

— Может, это туман? — предположил Андрей.

Я прильнул к биноклю. Точно — туман. Из-за белой пелены, висевшей над водой, вырисовывались смутные очертания скалы. Еще несколько секунд — и скала исчезла из виду. Да, в такую погоду не пойдешь к Птичьим островам.

Более суток провели мы на западном побережье Мантсинсаари, переживая волнение и туман. В бинокль было хорошо видно, как ветер несет вдоль островов клочья тумана, а одна из скал покрыта чайками. Птицы сидели на ней неподвижно, как, верно, сидели их крылатые предки тысячу лет назад. Ничто не изменилось здесь со времен Сергия и Германа, которые шли этими местами на Валаамский архипелаг. «Доберемся ли и мы до Валаама? — думал я, глядя на клубящее-

Андрей Епатко

ся озеро. — Не затеряемся ли среди безбрежной Ладоги, как те байдарочники?»

К ночи туман спустился. Он закрыл Птичьих острова и стал подбираться к нам. Мы поспешили поставить палатку, затащили в нее рюкзаки и залезли сами. Погода ухудшалась. Вскоре волнение усилилось настолько, что мы были вынуждены перенести палатку подальше от воды. Всю ночь не смолкал рокот прибоя, а порывы ветра сотрясали стенки нашего убежища.

На следующее утро, едва рассвело, я выбрался из палатки: тумана как не бывало. Напротив нас, в угрюмой синеве Ладоги, белели Птичьих острова. Я поднял Андрея, и через час мы уже отошли от лесистых берегов Мантсинсаари, направляясь в открытое озеро. Впереди расстилалась водная пустыня с затерянными в ней островами и скалами.

Все дальше от материка

Едва мы высадились на первом из Птичьих островов, как туча чаек взмыла в небо, подняв невообразимый крик. Причиной их волнения были птенцы, которые не успели спрятаться и теперь бегали по острову. Осторожно ступая между ними, мы поднялись на скалистую возвышенность. По Ладоге шла полоса тумана, и соседний остров начал «выплывать» из белой дымки. Вдруг Андрей дернул меня за плечо: «Там люди!» В бинокль я отчетливо различал моторную лодку, вытасценную носом на берег, и силуэты нескольких человек. Мы снова взяли за весла и направились ко второму из Птичьих островов.

Рыбаки сидели у костра и с любопытством наблюдали, как к их стоянке подходят резиновые лодки. Когда мы приблизились, один из них встал, чтобы утихомирить здоровенного пса, лаявшего на нас. Я спросил, можно ли высадиться на остров. «Можно, конечно». Рыбак зашел в сапогах в воду и помог нам пристать к берегу.

— Куда собрались? — спросил он, видя, что у нас нет ни сетей, ни удочек. — На Валаам? И не боязно идти на таких лодках?

Андрей рассказал, что мы следуем по пути валаамских святых.

— Не виден ли отсюда сам архипелаг?

— Да вон — Крестовые видать, — рыбак указал куда-то в озеро. — А когда чисто, и Валаам показывается.

Я поднял бинокль. Так вот он, каков Валаамский архипелаг: цепочка островов-силуэтов тянулась далеко на запад и таяла в дымке.

— Давно ли острова называются Крестовыми? — спросил я рыбака.

— Давно-о, — протянул он. — Говорят, в старые времена там нашли поваленный крест, с тех пор острова так и прозвали.

— А крест пропал?

— Почему же? Сохранился, — рыбак ткнул пальцем в помятую карту. — Стоит там же, на Крестовом острове.

Итак, на островах, что виднелись на горизонте, нас ждал крест, когда-то установленный христианами. До Крестовых оставалось тринадцать километров с двумя заходами на скалистые острова Вильямой и Ряпой. Мы надеялись до вечера покрыть это расстояние и заночевать уже на Валаамском архипелаге.

Перед отъездом рыбаки пригласили нас на огонек. За разговором мы узнали, что они с Питкяранты. Иногда приезжают сюда на рыбалку, хотя ловится последние годы неважно. О Сергии и Германе никто ничего не слышал. Когда я рассказал, что основатели Валаамского монастыря двигались вдоль этих островов, рыбаки одобрительно закивали головами: «Да это и есть самый удобный путь на Валаам. Даже если заштурмит, можно высадиться на островах или укрыться за ними. А идти на Валаам по открытой Ладоге — гиблое дело...»

Легкое попутное волнение помогло нам быстро отойти от Птичьих островов и взять курс на остров Вильямой. Рыбаки говорили, что Вильямой — это голый камень, незначительно торчащий из воды. Опасно было задерживаться на нем надолго: в сильный шторм волны перекачивают через остров, образуя над ним пенный бурун. В самом деле, через полчаса наши лодки подошли к плоской красноватой глыбе, непонятно каким образом поднявшейся из озера. Решив, что на этих камнях делать нечего, мы уже собирались грести дальше, как заметили, что ветер гонит в нашу сторону клочья тумана. Еще минута — и мы вместе с островом погрузились в сырое облако. Наши планы тотчас изменились.

Высаживаемся! Мы с трудом вылезли на скользкую поверхность камня и вытащили за собой лодки.

Теперь у нас было достаточно времени, чтобы оценить серьезность нашего положения. Окруженные туманной Ладогой, мы чувствовали себя узниками каменной плиты, размеры которой едва превышали пятнадцать метров в длину.

Вскоре туман еще более стусился, и заметно похолодало. Мы надели свитера, вязаные шапки и попытались развести костер. Топливом послужили несколько сухих камышей, выброшенных на остров волнами. Огонь прогорел за две минуты, и последние остатки тепла улетучились вместе с дымом. Впрочем, палатку здесь тоже было негде поставить: колья в камень не вобьешь. Я с содроганием представил, как мы проведем ночь на этой скале.

Туман рассеялся также неожиданно, как и появился. Крестовые острова стали один за другим проступать на горизонте, и мы спустили на воду лодки. Сначала направились к лежащему на нашем пути острову Ряпой. Это был последний форпост перед большим переходом до Валаамского архипелага.

Высадившись на камнях Ряпого, мы поднялись на смотровую площадку небольшого маяка. Отсюда открылись величественные просторы вечерней Ладоги, волнение на которой уже улеглось. Тишина, нависшая над озером, изредка оглашалась криками чаек. На расстоянии восьми километров от нас лежали покрытые шапками леса Крестовые острова. Где-то за ними должен быть Валаам. Я пристально всматривался в бинокль, пытаясь проследить уходящие вдаль острова и вдруг четко различил на горизонте темную полосу и вертикальный силуэт над ней.

— Андрюха, Валаам! Даже виден собор! — я не мог сдержать своего ликования.

Мысль о том, что этой ночью мы сможем разбить свой лагерь на Валаамском архипелаге, захватила нас целиком. Мы заняли свои места в лодках и надели спасательные жилеты: нас ожидал 8-километровый переход по открытому озеру. Благодаря хорошей видимости и спокойной воде это расстояние можно было пройти за два часа. Но, как часто случается на Ладоге, едва мы удалились от берега, погода ухудшилась: небо потемнело, и подул свежий боковой ветер. Мой «Турист», только что уверенно шедший вперед, сбавил ход и начал подниматься на волну.

— Может, вернемся? — предложила Андрею. — Похоже, скоро разгряется.

Пока мы раздумывали, ветер усилился, и волны стали еще выше. Длинные и плавные,

Андрей Боев

они, словно киты, вздымались друг за другом, играя лодками. Было ясно, что отступать поздно — надо пробиваться к Крестовым. Покачиваясь в резиновых суденышках, мы без отдыха гребли к островам. Нас сильно сносило, и с каждым порывом ветра озеро все больше покрывалось белыми гребнями. «Плохой признак, — думал я, наваливаясь на весла. — Еще немного — и начнет заливать». Но лодки показали себя с наилучшей стороны: они легко поднимались на самые крутые волны. Соскользнув вниз, эластичный корпус изгибался и плавно восходил на следующий вал.

После двухчасового перехода по озеру мы подошли к самому восточному из Крестовых островов. Его дикое побережье обрамляли могучие валуны, между которыми бурлила и пенилась полоса прибоя. Над вершиной острова, покрытой редкими соснами, кружили чайки.

Мы укрылись от волн в небольшой бухте на северной стороне острова. Непослушными руками я выволок лодку на берег и прилег на камни — больше сил не было. Андрей растянулся рядом. Над головами пронзительно кричали чайки. Пахло травой и землей.

Встреча на Крестовых

Островок, на который мы высадились, был началом Валаамского архипелага. За последние сутки мы неплохо продвинулись по нашему маршруту: далеко на горизонте остался Мантсинсаари, и был пройден большой участок открытой Ладоги. Однако Валаам еще лежал где-то на западе, а погода ухудшалась с каждым часом. Хмурое небо указывало, что на озеро надвигается штормовой фронт. Массивные волны не накатывали — обрушивались на берег. Теперь мы отчетливо представляли, что можем «зависнуть» здесь надолго, но, в любом случае, нам оставалось только ждать погоды и пробиваться к Валааму.

Весь следующий день на Ладоге стоял плотный туман, и озеро волновалось. Мы проводили

время у костра, созерцая в бинокль очертания близлежащих островов.

Под вечер, когда туман рассеялся, с озера донесся гул моторной лодки. Не желая выдавать своего присутствия, мы легли за камень и стали наблюдать. Лодка вела себя как-то странно: сначала долго кружила у соседних островов, а затем повернула в нашу сторону. В бинокль было видно, что в лодке сидят трое рыбаков, причем двое из них — с ружьями; всю корму занимают сваленные сети. Очевидно, мужики заметили дым от нашего костра и теперь направлялись к нам.

Высадившись на остров, рыбаки поинтересовались, на чем мы сюда добрались. Мы показали нашу «резиную флотилию».

— Вот на этих надувнушках приплыли сюда?! — самый старший из них недоверчиво окинул нас взглядом. — А вы знаете, что на Крестовые высаживаться запрещено — заповедная зона.

— Да, ребята, — мрачно подтвердил его товарищ. — Вам лучше отсюда уехать: здесь наши места и наши сети.

Мы заверили рыбаков, что не снимаем чужих сетей, а пришли на остров с историческими целями, и как только волнение уменьшится — пойдем дальше. Конфликт был улажен. Рыбаки даже репили перекусить с нами. Разложили на камне нехитрый рыбацкий ужин — сало, хлеб и водку — и пригласили нас к «столу». Узнав, что мы идем на Валаам, рыбаки раскрыли старую военную карту и показали лучшие подходы ко всем островам.

— А на Валаам вас могут и не пустить, — сказал один из них. — Туда сейчас монахи вернулись. Слыхали, поди? Теперь хотят — пустят, а нет — так и поезжай обратно. — Рыбак в сердцах махнул рукой. — Того гляди, и отсюда погонят. Старики говорят, раньше Крестовые тоже были под монастырем.

К вечеру рыбаки уехали, оставив нам пачку чая и хлеб. Мы долго всматривались в черную точку посреди Ладоги и слышали затихающий гул мотора.

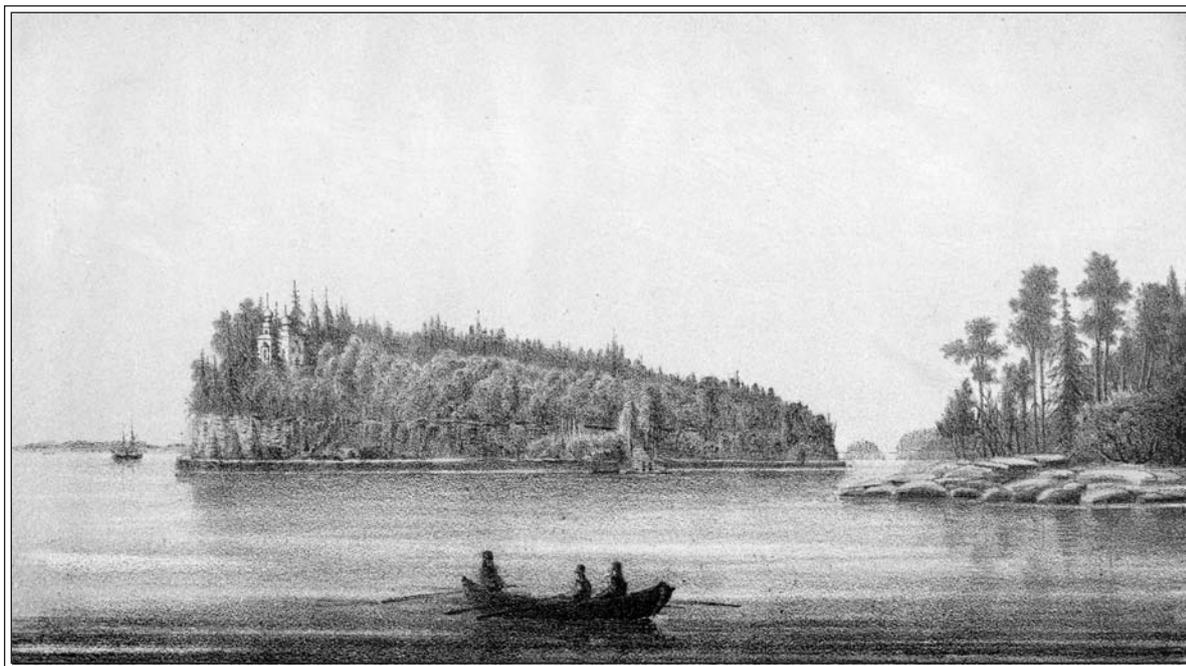
Утром высадились на Крестовом острове. Крест, а точнее, его нижнюю часть, установленную на валуне, отыскали на северном берегу. С трудом разобрали истершуюся надпись, в которой говорится, что этот крест поставлен в 1897 г. стараниями валаамского игумена Гавриила. Традиция ставить на этом острове крест уходит в средневековье. Еще в XVIII в. новолодожский помещик Яков Мордвинов видел здесь «крест и ловецкие избы». Кто первый водрузил здесь христианский символ? Это могли сделать православные карелы, промышлявшие на островах тюленей. А может быть, еще раньше? Не восходит ли эта традиция

ко времени преподобных, которые впервые ступили на архипелаг в восточной его части? Можно предположить, что будущие основатели Валаамского монастыря прожили здесь какое-то время, переживая затяжные ладожские штормы. Прошли века, и нахождение креста на островах потеряло первоначальный смысл: теперь он указывал границы владений монастыря на востоке.

Покинув Крестовый, мы направились к острову Восточный Сосновый. Волнение оказалось сильнее, чем предполагали. Едва вышли из-под прикрытия острова и подставили борта лодок открытому озеру, нас стало сильно качать. Глубинные волны, поднявшиеся вокруг нас, несли в себе неизъяснимую мощь. К заходу солнца мы догребли до острова Восточного Соснового. Впереди — черная скала, усыпанная чайками, вокруг грохочет прибой. С трудом огибаем мыс и находим тихую бухту. Двум лодкам здесь не поместиться. Высаживаемся по очереди.

Из дневника

«Остров высокий, покрыт лесом. Разбили на ночь палатку. Закат. Сильное волнение. Всю ночь слышали рокот прибоа. Утром приоткрыли дверцу палатки — туман, как молоко. Крестовые острова скрыты белой пеленой. Шторм. Теперь мы долго никого не увидим: в такое волнение ни одна моторка не сунется в озеро. Ходили на другую часть острова, видели цепочку Байевых островов. До ближайшего Хонкисари — три километра. На обратном пути заметили нерп и вспугнули зайца. Волнение усилилось. Похолодало. Небо темное, похоже, будет дождь. Накрыли палатку полиэтиленом. Весь день туман и шторм. Занимались починкой лодки. Ночью шум волн и тревожные крики чаек на других островах. Проснулись рано. Волны поутихли, но туман остался. Подойдешь к костру — палатка в тумане. Я лег спать, но через два часа Андрей будит меня: «Туман рассеивается». Действительно — Байевые острова видны. Начинаем собираться. Пока спускали лодки, туман снова поглотил очертания скал. Бездействие убивает. Хонкисари кажется недосягаемым. Иногда из белой пелены появляются верхушки его сосен. Наконец, уловив «окошко» в тумане, доходим до Хонкисари. Следующий остров — Лембос. Над озером, метрах в пяти от поверхности висит странный шлейф тумана. Только бы дойти до Лембоса — считай, мы на Валааме: дальше идут сплошные острова. Но едва мы отошли от берега, как туман опустился на нас. Это случилось так неожиданно, что я даже не успел сориентироваться по компасу. Я достал его, но было поздно. Стрелка послушно указывала на север. Что толку? Куда

Остров Святой. Литография Н. Глыбова. 1870-е гг.

идти? Андрей греб недалеко от меня, но я почти его не видел. Вокруг кусок озера и пелена тумана. Такое ощущение, что направляешься в открытую Ладогу. Мы старались держать прямо, и наши расчеты оправдались. Там, где мы ожидали, показались темные силуэты сосен. Вдруг все исчезло. Работала только одна мысль: «Вперед, там — земля!» Через несколько минут стали вырисовываться контуры отвесной скалы и густого леса. Мы высадились на холодные камни Лембоса...»⁴

В переводе с карельского Лембос означает «Чертов». Своим мрачным названием остров обязан необъяснимому в средние века явлению — черному песку, время от времени появлявшемуся на побережье. На поверку песок оказался магнитным железняком, который монахи стали использовать при засыпке чернил. Но, несмотря на это, старое название и плохая репутация закрепились за островом. Для того чтобы очистить Лембос от нечистых духов, в середине XIX в. здесь основан Ильинский скит Валаамского монастыря. Мы долго блуждали по острову в надежде увидеть какие-нибудь монастырские постройки, но, увы, от келейных зданий и церкви остались одни фундаменты и битый кирпич. Единственное, что сохранилось от скита — великолепный мраморный колодец — самый большой на архипелаге.

Поздно вечером мы покинули Лембос и вышли из группы Байевых островов. Наши лодки скользили по изумрудным волнам Ладоги,

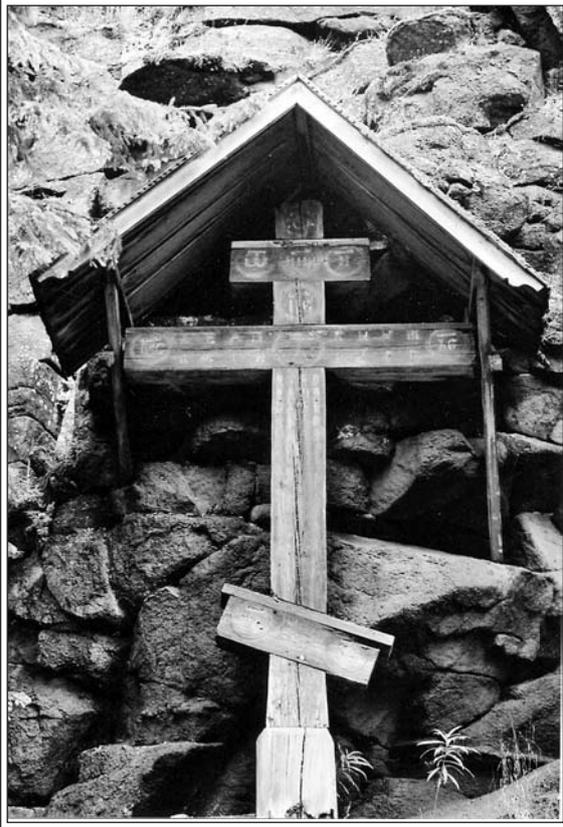
переливающимися от заходящего солнца. Тяжелое небо Карелии, словно указывая путь, устремилось огненными языками на запад. Впереди чернела длинная полоска валаамского берега, и совсем рядом с ним возвышался маленький островок Святой, на котором, по легенде, первоначально жили Чудотворцы.

Старый Валаам

Предания Святого острова — ключ к истории Валаама. На вершине этого утрюмого острова находится вырубленная в скале пещера, которая среди валаамских монахов почиталась как место отшельничества Сергия и Германа. В середине XIX в. здесь был основан скит, названный именем святого Александра Свирского, и сооружена могила, которую Александр якобы «ископал своими руками». Постепенно о предании, относившим пещеру ко времени Сергия и Германа, стали забывать. Нашлись даже специалисты, которые датировали создание этой пещеры XVIII веком.

Однако источники утверждали обратное. На финских картах остров по-прежнему назывался Старым Валаамом. Это емкое название указывало на место, где зарождался Валаамский монастырь. Еще более важный аргумент в пользу древности пещеры — записки упоминавшегося нами помещика Якова Мордвинова, который посетил остров в 1777 г. Он передает рассказ о том, что в пещере спасались Сергий и Герман. Но тогда оставался еще один нерешенный вопрос: почему преподобные первоначально обосновались на Святом острове, таком маленьком и неудобном

⁴ Епатко А.Ю. Полевой дневник похода «Салми-Валаам». Рукопись 1995 г.

Поклонный крест над пещерой Сергия и Германа

для устройства обители? Что же помешало им сразу высадиться на Валааме, который, очевидно, был целью их путешествия? Единственным серьезным препятствием на пути миссионеров могло быть языческое население, обитавшее в делях большого острова. К началу плавания я располагал единственным свидетельством в пользу этого предположения. В одной из финских легенд, повествующих об основании Валаамского монастыря, рассказывается, что на Валааме жило богатое семейство. Прибывшие на остров Сергей и Герман попросили у них землю размером с лошадиную шкуру. Получив разрешение, они разрезали шкуру на ремешки и разложили вокруг лучших земель. Прежним хозяевам ничего не оставалось делать, как переселяться на берег озера⁵.

Мы подходим к Святому острову. Перед выходом на берег я испытываю легкое волнение. Еще бы! Это земля связана с именами Сергия и Германа.

Пещеру преподобных мы нашли на вершине острова в его западной части. В пещеру ведет крутая лестница, вырубленная в скале. Рядом стоит высокий крест, все части которого скреплены

толстыми деревянными гвоздями. На перекладине старинной вязью вырезана надпись: «Построена мелница и крест вырезан апреля 1756 года».

Андрей зажигает фонарик и шагает в темноту пещеры. Я следую за ним. Пещера узкая и, чтобы пройти, приходится пригибать голову. Тесные своды давят, но хочется добраться до конца. Вдруг луч фонарика выхватывает из темноты каменную стену, выложенную из блоков. К одному из выступов прислонена маленькая иконка с изображениями Сергия и Германа. Первопроходцы Валаама стоят на острове, со всех сторон окруженном зеркальной поверхностью озера. Рука Андрея дрожит, и светлые блики играют на лицах преподобных. В эту минуту мне вспоминается древний валаамский акафист: «Радуйтесь, Сергей и Герман! От пума житейских волн удаляющиеся в остров Нева Понта с восточных стран пойдете и в нем на острове Валаам вселишесь»⁶.

Рядом с иконкой лежит книга в черном переплете. Открываю — молитвенник. На последних страницах чьей-то рукой написана просьба к преподобным о заступничестве и вписано несколько имен.

Выходим из пещеры на свет. Сквозь густые сосны просматривается Валаам — таинственная земля русского монашества.

Мы расположились на ночь в лесу, недалеко от берега и, сидя у костра, вспоминали прошедшие дни плавания. Завтра нас ожидал последний переход до Валаамского монастыря. Как-то не верилось, что скоро завершится наша «Одиссея» и придется снова вернуться к суматохе городской жизни.

Оставим на время наш ночной огонек и вернемся к делам более давним. Теперь, когда терпеливый читатель добрался вместе с нами до Святого острова, я думаю, настало время поведать ему о рукописи, которая много веков хранила тайну Валаамского монастыря.

В 1990 г. историк Наталья Охотина обнаружила в отделе рукописей Государственной Библиотеки им. Ленина ценнейший памятник древнерусской литературы — «Сказание краткое о создании пречистой обители». Найденная рукопись совершила настоящий переворот в изучении истории Валаамского монастыря — в «Сказании» содержалась принципиально новая датировка его основания, впервые удалось узнать о непростой судьбе первопроходцев Валаама.

«Сказание» написано во второй половине XVI в. неизвестным автором. Летописец не знал

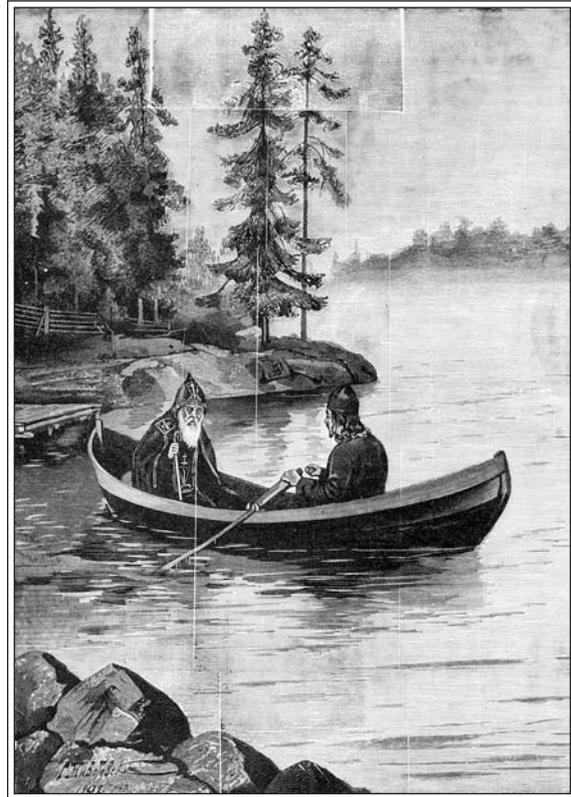
⁵ Якубов К. Финская легенда об основании Валаамского монастыря // Ежедневное Новое обозрение. СПб., 1880. Т. 5. № 64. С. 3.

⁶ Служба и акафист преподобным и богоносным отцем Сергию и Герману, валаамским чудотворцем. СПб., 1914. С. 33.

времени основания монастыря, но сообщил, что обитель возникла при архиепископе Иоанне (1388–1415). Согласно «Сказанию» основывать монастырь на острове Валаам отправилось несколько новгородских иноков во главе с Ефремом (будущим основателем Перекомского монастыря). Появление Ефрема в «Сказании» явилось полной неожиданностью для историков, поскольку ни одно предание не связывает Ефрема с Валаамом. Вместе с Ефремом в ладожские просторы отправляется «другой славный священноинок премудрый Сергей с прочими своими спутниками»⁷ (замечу — о Германе пока ни слова). Как долго добирались монахи до Валаамского монастыря и на чем плыли — об этом ничего не сказано. Высадиться на Валааме монахам помешало, как мы и предполагали, коренное население острова — карелы. Тогда миссионеры обживают маленький островок с восточной стороны от Валаама с «каменной весьма чудной пещерой»⁸. Это, конечно же, прямое указание на Святой остров. Однако карелы и здесь не дают старцам покоя, «насылая колдовство единодушно с бесами и творя многие пакости»⁹. Скоро Ефрем по неизвестной причине покидает Святой остров и основывает свою обитель на озере Ильмень. Вслед за ним Сергей едет к архимандриту в Новгород. Он сообщает о создании монастыря в Новгородской епархии и просит военную помощь для изгнания карел с острова. Занять Валаам удастся с трудом. При этом погибают некоторые монахи. Далее в «Сказании» сообщается, что после славной победы Сергей перенес монастырь на Валаам. Избрал место «на горе каменной, отовсюду видимое, подобно городу, и имеющее под собой отличную большую тихую пристань, в которой многотысячное число кораблей могло бы укрыться от ярости свирепых волн»¹⁰. Все, кто были на Валааме, без труда узнают это место. Там стоит современный Спасо-Преображенский собор. По прошествии времени мирная жизнь была нарушена конфликтом между братией монастыря и игуменом Сергием. Преподобный в сердцах «дал место гневу»¹¹, отрекся от игуменства и ушел в валаамские дебри жить в отшельничестве. Позже Сергей вернулся в Новгород, где окончил дни в монастыре святого Иоанна Богослова.

Неизвестно, какую роль в этом конфликте сыграл преподобный Герман, но он стал

В Валаамском скиту. Гравюра С. Животовского. 1902

преемником Сергия. О его валаамском периоде жизни мы знаем еще меньше. Автор «Сказания» сообщает, что Герман «во всех первых трудах был вместе с Сергием»¹². Когда же пришел на Валаам Герман? Единственное упоминание этого события можно найти у историка русской церкви Амвросия (Орнатского): «По другим запискам значит, что к сему основателю Валаамской обители пришел в сожительство прп. Герман в лето 6901, т.е. от Р.Х. 1393»¹³. Еще одну интересную дату мы находим в средневековом тексте «Валаамской беседы». Там говорится: «...преподобных и богоносных отец наших Сергия и Германа на Валаамском острове в лета 6907 (1399) при Геннадии архиепископе Великого Нова града и Пскова»¹⁴. Если положиться на эти два источника, то начало Валаамского монастыря выглядит примерно так: Ефрем и Сергей приходят на Святой остров между 1388 и 1392 гг. В 1393 г. к ним присоединяется Герман. До 1399 г. со Святого острова уходит один из основателей обители — Ефрем, а Сергей переносит монастырь на Валаам.

Это гипотеза. «Сказание» поставило больше вопросов, чем дало ответов. Еще долго будет

⁷ Охотина-Линд Н.А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 165.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 167.

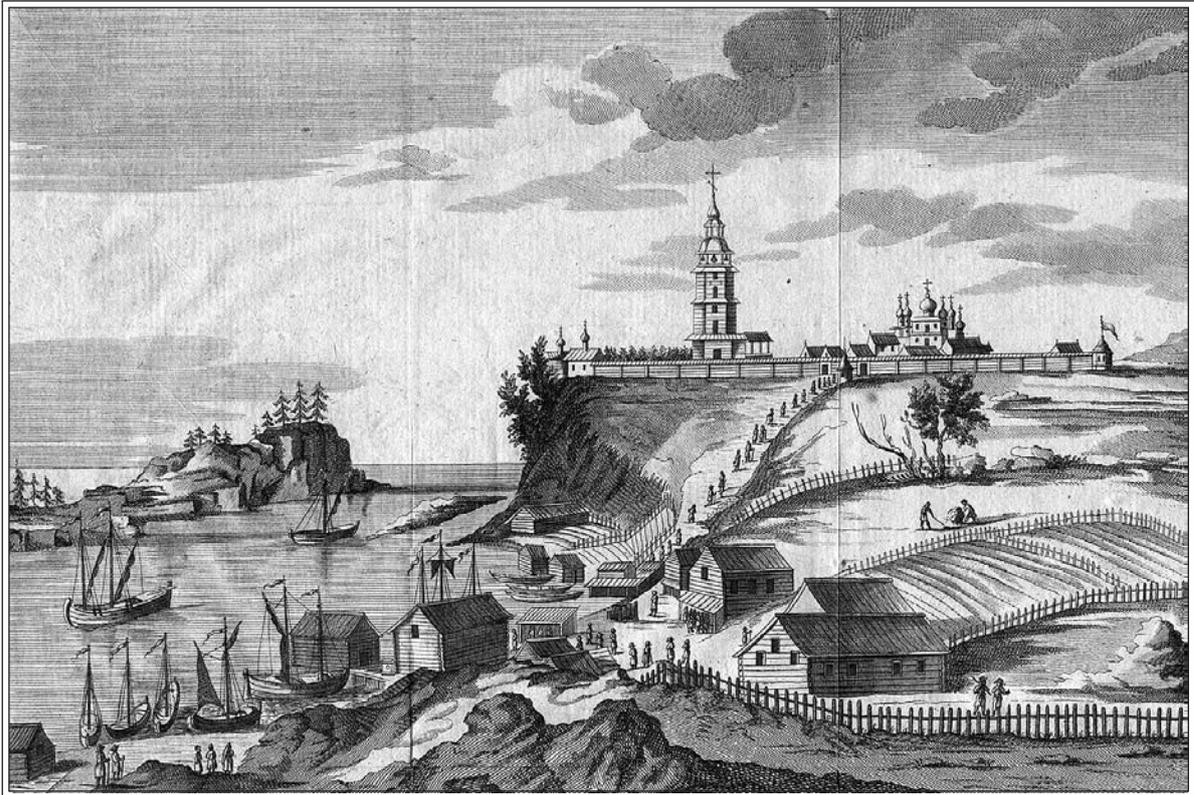
¹⁰ Там же. С. 169.

¹¹ Там же. С. 173.

¹² Там же. С. 175.

¹³ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии М., 1811. Т. 3. С. 484–485.

¹⁴ Моисеева Г.Н. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI в. М.; Л., 1958. С. 193.

Валаамский монастырь на острове Валаам. Гравюра конца XVIII в. по рис. 1785 г. (экспедиция Н.Я. Озерецковского)

волновать историков точная дата основания монастыря. Мы не знаем, в чем заключалась причина конфликта между Сергием и братией и почему имя Ефрема стерлось из памяти последующих поколений монахов. Валаам неохотно расстается с тайнами.

Загадочная «S». В скиту всех святых

Утром мы спустили лодки на воду и направились к Валааму. Впереди зеленели лесные массивы северо-восточной части острова. Низкий берег, обрамленный побелевшими валунами, терялся в дымке. Не доходя метров двести до берега, мы почувствовали хвойный запах могучих лесов Валаама. Мы приближались к самой глухой части острова — Черному носу. Дремучие леса этой местности отличаются особой непроходимостью. Поваленные ветром сосны лежат, как поверженные великаны. Здесь нет ни скитов, ни часовен, ни поклонных крестов. Валаамские монахи, по-видимому, никогда не пытались обжить эти неприветливые места. Только отшельники пробирались в самые дебри острова.

Годом ранее мы с Андреем, путешествуя по Валааму, решили добраться до Черного носа. Около двух часов брели от монастыря через лес, пока не вышли к северо-восточному побережью. Наше внимание привлекла небольшая пещера, расположенная в основании скалы. Пещера была

неглубокой, естественного происхождения. На одной из ее стен мы заметили два ровных выступа, явно обработанных человеком. Здесь могла находиться свеча и несколько книг. «Надо же, — думал я. — Однажды кто-то жил здесь и работал над устройством своего убогого жилища». Чтобы сфотографировать пещеру, отошел на несколько метров от скалы. Вдруг увидел, что рядом с входом в пещеру на скале высечена латинская S. Буква сильно выветрена от времени и читалась только на расстоянии. Мы внимательно обследовали скальные стены вокруг пещеры, но других следов письменности не было. Я высказал предположение, что S может означать первую букву имени основателя монастыря Сергия. Ее мог выбить на скале какой-нибудь латиноязычный паломник, скорее всего финн, который знал, что в этой пещере жил Сергий. Могла ли буква быть высечена самим преподобным? Вряд ли. Если Сергий был выходцем из Греции (как говорит предание), он пользовался бы греческим или славянским алфавитом. Однако буква высечена в средневековье. Об этом говорит сильная степень выветренности, которую подделать невозможно. Мы могли лишь догадываться, при каких обстоятельствах здесь жил Сергий Валаамский. «Сказание» прояснило этот вопрос: после конфликта с братией преподобный ушел «в глубочайшую пустыню великого

того острова»¹⁵. Мы полагаем, что обнаруженная нами пещера и есть место отшельничества легендарного основателя Валаамского монастыря. Это подтверждается ее местоположением. Она находится в той части острова, откуда Сергей должен был покинуть Валаам, возвращаясь в Новгород.

Вечер. Мы идем вдоль северных бухт валаамского берега. Впереди слышен гул моторной лодки. Если верить карте, до монастыря недалеко. Проходим два маленьких островка. Над стеной леса показался остроконечный купол Спасо-Преображенского собора. Я подгребая к Андрею и пожимаю ему руку: все-таки дошли! С еще большим воодушевлением наваливаемся на весла. Легкое попутное волнение на этот раз помогает нам. Впереди замечаем церковь Никольского скита. Она служит маяком при входе в Монастырскую бухту, где расположена обитель. Раньше на Никольском острове жило 12 монахов, которые осуществляли таможенный досмотр, преграждая путь на Валаам табачному зелью и спиртному. Проходим рядом с Никольским островом. Скит действующий, но, похоже, нас проверять не будут. При входе в бухту едва не сталкиваемся с теплоходом. Столпившиеся на палубе туристы бросают на нас любопытные взгляды: и не удивительно — у нас довольно дикий вид. Гребем вдоль монастырской бухты. Справа возвышается мощный силуэт Спасо-Преображенского собора и белые келейные корпуса. Приближаемся к монастырскому причалу, где стоит проржавевший баркас. Решаем высадиться перед пристанью. Несколько сильных гребков, и лодки утыкаются в песчаный берег. Тишина. Никто не подходит. Матросы, покуривая на палубе баркаса, подозрительно разглядывают нас. Вряд ли они догадываются, что мы прибыли с материка.

На следующий день мы уезжали на теплоходе в Питер. Утром зашли в собор, где «в глубоко иссеченной скале» покоятся мощи святых преподобных Сергия и Германа. Здесь, стоя у гробницы с ликами преподобных, я мысленно благодарил их за наше успешное плавание к берегам Валаама. У нас оставался еще один долг — передать монахам свечу, опаленную у Гроба Господня, которую мы привезли с собой. Я предложил отнести ее в скит Всех Святых — самый старейший и большой на Валааме. Эта пустынь всегда славилась своими старцами и строгим уставом.

Мы вышли к скиту случайно. Направлялись к пристани, а ноги понесли нас по совершенно другой дороге — к воротам уединенного скита.

Убегающую вдаль лесную тропу венчала пятиглавая церковь. Здепний монах, работающий на огороде, выслушал нас.

— Подождите у ворот, я спрошу отца Виссариона, — сказал он и исчез за дверью в стене.

Через некоторое время наш новый знакомый открыл ворота и пригласил нас. Отец Виссарион ждал у входа в келью. Он уже знал, что мы пришли откуда-то на лодке и желаем сделать приношение в скит. Он был слегка удивлен, когда я достал свечу и подал ему.

— Она опалена у Гроба Господня, — сказал я.

Спокойное лицо отца Виссариона изменилось. Он поспешил взять ее и приложился к свече губами.

Мы также передали настоятелю скита икону с ликами Сергия и Германа. Качаясь целую неделю в моей лодке и покрываясь влажностью тумана, она прошла вместе с нами нелегкий путь к своему острову. Если вам когда-нибудь доведется увидеть ее в храме, переверните — на обратной стороне должна быть надпись: «Икона эта доставлена на Валаам на резиновой лодке, по пути, по которому некогда шли Сергий и Герман, Валаамские Чудотворцы. Лето 1995 года от Р.Х.».

Епатко Андрей Юрьевич

Историк. В 1997 г. окончил исторический факультет СПбГУ. 12 лет назад впервые посетил Валаам и «заболел» Русским Севером. Печатался в журналах «Нева», «Вокруг Света», «Сто Дорог», «ГЕО». С 2004 г. — научный сотрудник Русского музея (СПб.).

¹⁵ Охотина-Линд Н.А. Сказание о Валаамском монастыре. СПб., 1996. С. 173.